

Давыдов, как мне кажется, именно как гегельянец, выгнал бы меня, но мне была бы интересна его аргументация, и я не вижу человека, с которым могла бы сегодня обсуждать эту проблематику, человека с очень высокой планкой. Понятно, что его мнение для меня было заведомо ценно. Эта тема разнообразия или универсальности нормы, наверное, для меня бы была самой интересной.

– Хотели бы Вы что-то еще сказать о Василии Васильевиче?

– Я только хотела поблагодарить организаторов этой конференции. В последние несколько дней все время вспоминаю, смотрю что-то в Интернете, какие-то сведения о Давыдове, и, честно говоря, я от этого получила огромное удовольствие. Поэтому спасибо, в первую очередь, Татьяне Юрьевне Андрущенко, моей давней-давней подруге и коллеге, ну и всем, кто участвует в этой конференции.

4.6. ВОСПОМИНАНИЯ В. Т. КУДРЯВЦЕВА

Владимир Товиевич КУДРЯВЦЕВ

Доктор психологических наук, профессор.

Заведующий кафедрой теории и истории психологии Института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета.

Профессор Московского государственного психолого-педагогического университета.

Советник директора Федерального института развития образования.

Совместно с В.В. Давыдовым на базе школы-лаборатории «Лосиный остров» № 368 г. Москвы руководил многоступенчатой системой образования – с дошкольного уровня до старших классов.

Научный руководитель сети экспериментальных площадок по разработке вариативных моделей развивающего дошкольного образования.

Два лета, два Учителя

Лето 1972 года. Беспощадное пекло, беспрецедентная жара, которая переползет из июля в август. Маревнице! Под Москвой пылают торфяники, а сама столица застлана дымной мглой. «Дымная мгла» – это словосочетание ежедневно звучало в прогнозах погоды. С тех пор оно вошло в память, а в нос вьелся запах этой естественной, природной гари, который не спутаешь с тем, что издают горящие «артефакты».

Мы с отцом Товием Васильевичем на перроне, встречаем приглашенного к нам на дачу Василия Васильевича Давыдова, коллегу отца, ближайшего друга семьи, Человека, который по степени близости и для меня станет без обиняков равным отцу еще при жизни моих родителей, буквально влюбленных в «Васю», который отвечал им тем же. На их примере я увидел, что такое дружеская влюбленность (не просто любовь!), а потом сам пережил влюбленность ученика, поныне оставшуюся внутри. Не смогу забыть, как плакал Давыдов, узнав о смертельном диагнозе отца, а мама... успокаивала его. В этом парадоксе – та же дружеская любовь, как всякая любовь, немного «иррациональная». Потом мы проводили и маму, и началась моя настоящая «взрослая» жизнь. С Давыдовым... Но я пока ничего этого не знаю, мне 11 лет, хотя все эти 11 лет Василий Васильевич постоянно был рядом. И будет – еще четверть века.

Подходит электричка, из нее выползает разморенная бесформенная, как будто слипшаяся от телесной влаги масса, в которую превратились несчастные пассажиры. В ней и людей-то не различишь. И вдруг посреди этой массы выделяется яркое пятно – Давыдов. На фоне еле живых от жары и духоты пассажиров явление Давыдова кажется чем-то неестественным, выходящим из ряда вон. А он и в самом деле никогда ни в какие «ряды» не вписывался. Если сам их не создавал и не возглавлял. Хотя никого туда насильно не загонял – люди сами рвались занять там место. Чаще с благородными намерениями. В крайнем случае – чтобы стать причастными к событию, которым было его дело и он сам.

Человек-событие!.. Событием станет и его первая книга «Виды обобщения в обучении», вышедшая в том же 1972 году. Ее автор, сочетая в себе неукротимый темперамент и глубочайшую фундаментальность, не оставил камня на камне от оснований традиционных логико-философских и психолого-педагогических представлений о мышлении и его развитии – закладки трехвековой давности. А в противовес выдвинул такую концепцию предмета, которую до

сих пор не могут осилить многие, ибо продолжают мыслить о развивающемся мышлении в духе тех же представлений, лишь «припудренных» ходячей, «продвинутой», терминологией. Переводчик «Видов...» на японский язык Кунио Кумабаяши назовет книгу «сенсацией в мировой психологии» и не погрешит преувеличением. Примерно так ее оценят в ряде других стран, на языки которых она будет переведена. Творцу книги-сенсации не исполнилось еще сорока двух лет, хотя «сенсация» эта подготавливалась давно, больше десятилетия. ... А пока Василий Васильевич, задорный, энергичный, во взмокшей синей рубашке шагает по подмосковному перрону навстречу – он так шел и по жизни – самостийно, «на свой необычный манер», как пел любимый им Владимир Высоцкий.

И снова отступление. Высоцкого, Любимова, Хмельницкого, других «таганковцев» Василий Васильевич неплохо знал (как и половина интеллектуальной и художественной Москвы знала Василия Васильевича). С одними его познакомил друг – философ Валентин Иванович Толстых. С другими, например с Юрием Петровичем Любимовым, он встречался у своего другого, главного друга-философа Эвальда Васильевича Ильенкова, в его легендарной квартире в Камергерском переулке. Достаточно сказать: соседом Ильенкова был Михаил Аркадьевич Светлов, который, по рассказам Давыдова, предварял свои визиты стуком в стену. А с Высоцким Давыдов одно время частенько пересекался на подмосковных дачах тогдашних знаменитостей. Из песен Высоцкого Давыдов особо любил «Диалог в цирке» (он называл ее «энциклопедией советской жизни») и «Коней привередливых». Отец тоже больше всего любил «Коней...». А с их подачи – и я, хотя поначалу песня, до которой я, подросток, попросту еще не дорос, мне не очень нравилась. Они «доростили», конечно, в большей степени эмоционально, и я даже разучил ее на гитаре – специально для них: время от времени они, когда Василий Васильевич бывал у нас, просили меня что-нибудь сыграть. К слову, именно этим душным и дымным летом я впервые в жизни оказался в Театре на Таганке. С отцом мы смотрели «Десять дней, которые потрясли мир», где в фойе (спектакль, вообще, начинался на улице) в образах, кажется, революционных матросов нас встречали Высоцкий и Хмельницкий, еще кто-то из известных актеров с гитарами. Тогда я уже был «опытным театралом», родители всю водили меня на лучшие «взрослые», вечерние спектакли лучших московских театров (я всегда выглядел старше своих лет, и меня пропускали), но увиденное потрясло мою отроческую душу до глубин.

Я рано «заболел» Таганкой, и «заболел» на долгие годы, наверное, навсегда, хотя того театра давно нет.

Впрочем, вернемся на перрон. Раздается характерный голос – звучный, звонкий и уверенный. Оказывается, Василий Васильевич готов тут же, чуть ли не отходя от станции, приступить к работе! Дело в том, что возглавлявший тогда журнал «Вопросы психологии» Анатолий Александрович Смирнов обратился к Василию Васильевичу и Товию Васильевичу с поручением написать передовицу по партийно-правительственным решениям относительно совершенствования образования молодежи. Учитывая всю ответственность поручения, А.А.Смирнов, уже в качестве директора Института общей и педагогической психологии, разрешил друзьям не посещать работу и даже порекомендовал уединиться у нас на даче, чтобы спокойно донести до советских психологов исторические, судьбоносные задачи, которые ставят перед наукой партия и правительство. Правда, при этом он оговорил жесткое условие: на время написания статьи следует ввести «сухой закон», который после этого можно нарушать на протяжении двух дней, засчитываемых авторам как рабочие. Как очевидец, свидетельствую: условие авторы соблюли самым пунктуальным образом.

А после были знаменитые пельмени моей няни – бабы Симы. О тех дачных пельменях Василий Васильевич вспоминал спустя годы, хотя вкушал их тогда далеко не в первый и не в последний раз. Эти бабушкины пельмени вообще – притча на устах разных поколений друзей нашего дома (а подавались они с конца 1920-х годов, когда баба Сима появилась в доме и практически сразу стала членом семьи). Предчувствие пельменей заметно ощущалось в процессе работы над передовицей, в какой-то мере мотивировало и ускоряло ее.

Между прочим, через много лет я прочитал эту статью. Статья была написана столь умно и хитро, что создавалось впечатление, будто партия, правительство и лично товарищ Брежнев при выработке своих решений с самого начала руководствовались идеями ее авторов. А лейтмотив передовицы состоял в том, что наипервейшим условием исполнения высоких предназначений является разносторонняя психологизация образования – с опорой на наиболее перспективное из того, что нарабатывали к тому времени советские психологи. Тут тоже была «хитрая политика». Сверху и с разных сторон психологию упрекали за недостаточно активное участие в разных сферах практики социалистического строительства. Серьезные,

мыслящие психологи, действительно, не хотели превращать свою работу в практическую апологетику партийно-правительственных решений. Они предпочитали заниматься реальными проблемами, которые поставляет жизнь и на которые наводит «объективная логика развития науки». Но психологи помнили о тех сравнительно недалеких временах, когда одним постановлением можно было «закрыть» сразу несколько разделов их науки или вовсе «упразднить» ее, заменив физиологией высшей нервной деятельности. В 1970-е годы такой угрозы, конечно же, уже не существовало. Однако через 10 лет, в 1980-е годы, В.В. Давыдову предстояло пережить исключение из партии, снятие с поста директора НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (ныне – Психологический институт РАО), а главное – сворачивание (к счастью, кратковременное) того большого дела, которое вызвало «сенсацию в мировой психологии» и, добавим, в практике образования. Так что «хитрости» авторов передовицы являлись вполне оправданными.

...Лето 2010-го – такое же горячее, горящее и дымящееся, как и лето 1972-го. И «герои» этого лета, для меня, по крайней мере, те же: мои первые и главные Учителя – Василий Васильевич и Товий Васильевич. 31 августа – 80-летие Василия Васильевича, событие, к которому мы готовились вместе с единомышленниками и друзьями. А 22 июля мог бы отметить свое 82-летие Товий Васильевич. И я продолжаю работу над новой, дорогой мне, книгой – учебным пособием о проблемном обучении, одним из основоположников которого в нашей стране был отец.

...Владимир Высоцкий, которого в 2010 году вспоминала страна (25 июля) в связи с 30-летней годовщиной своей жизни «без Высоцкого», стал учителем для миллионов сограждан, в том числе для меня. Что доброго может сделать учитель для ученика, кроме как научить? Подарить другого учителя, который научит еще большему – достойному того, чему уже научили. Так любящие взрослые открывают своим детям прекрасные книги прекрасных писателей. Так произошло и со мной в случае с Высоцким. Ведь к его «учению» меня обратили мои самые близкие наставники – Т.В. и В.В. Не «обратили в...», а «обратили к...». Они никогда не навязывали того, что любили сами, а лишь стремились вдохновить тем, что любили. Тех, кого любили и учили. И я люблю, продолжая учиться...
2010 г.